

ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ

*грасский
дневник*

Галина
Кузнецова

Издание подготовлено
Ольгой Демидовой

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

К89

Дизайн серии Ивана Ковригина

Дизайн обложки Дмитрия Агапонова

В оформлении книги использованы фотографии
из архива РГАЛИ

Кузнецова, Галина Николаевна

К89 Грасский дневник / Галина Кузнецова; вступ. статья, коммент. Ольги Демидовой. – М.: Издательство АСТ, 2017. – 464 с. – (Письма и дневники)

ISBN 978-5-17-105205-8

Появление Галины Кузнецовой в 1926 году в Грассе на вилле «Бельведер» и предшествовавшие этому события взорвали жизнь Буниных и определили судьбу всех участников «лирической драмы» как минимум на полтора десятилетия вперед. Г. Кузнецова – последняя любовь Ивана Бунина, его «грасская Лаура» – вела подробный дневник, фиксировала каждый разговор, мельчайшую деталь. Но аккуратно и тактично составленная затем автором книга дает мало представления о той буре чувств, которая являлась неизменным фоном грасской жизни с конца 1920-х до начала 1940-х годов. Тем не менее читатель, умеющий видеть между строк, почувствует отчаяние, ревность, любовь, боль героев, их ощущение счастья. Станет свидетелем становления человеческой и творческой индивидуальности самой Галины Кузнецовой, ее обретения себя и своего места в мире. И узнает о жизни парижской ветви русской эмиграции, открыв для себя много неожиданного.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-105205-8

© О.Р. Демидова, вступ. статья, комментарии, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Дневник как пространство умолчания

«Грасский дневник»¹ относится к числу книг с твердо устоявшейся репутацией, традиционно воспринимаемая как книга о Бунине². Этому как будто способствовала сама Кузнецова, предварив первую публикацию дневника следующим пассажем: «Покинув Россию и поселившись окончательно во Франции, Бунин часть года жил в Париже, часть – на юге, в Провансе, который любил горячей любовью. В простом, медленно разрушавшемся

---

¹ Впервые частично опубликован автором в нью-йоркских «Новом журнале» (1963. № 74; 1964. № 76) и «Воздушных путях» (1963. № 3; 1965. № 4); первое полное издание: *Кузнецова Г.* Грасский дневник. Вашингтон: V. Kamkin, 1967 (подготовлено автором); первое российское издание: *Кузнецова Г.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М., 1995 (подготовлено А.К. Бабореко).

² См., напр., отзывы исследователей: «“Грасский дневник” – в громадной степени книга о Бунине» (А.К. Бабореко // *Кузнецова Г.* Грасский дневник. М., 1995. С. 8; далее все цитаты приводятся по этому изданию с указанием номера страниц в скобках); «Осн<ованный> на записях, к<ото>рые К<узнецова> вела во время своего пребывания в семействе Буниных, “Дневник” подробно повествует о грасской жизни писателя. Кн<ига> К<узнецовой> интересна не только своим ярким портретом великого рус<ского> художника слова, но и уникальной передачей его устных рассказов, критич<еских> замечаний в адрес лит<ературных> современников, суждений о лит<ерату>ре и искусстве» (Н.Г. Мельников // Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918–1940. Т. 1. Писатели русского зарубежья. М., 1997. С. 227); «Все усилия автора дневника отданы тому, чтобы запечатлеть Бунина... Доминирующее положение Бунина в “Грасском дневнике” (помимо него, лишь Н. Рощин и Л. Зуров, постоянные обитатели Бельведера, получили относительно полную характеристику) <...> позволяет Кузнецовой создавать портрет ее главного героя» (А.М. Зверев // То же. Т. 3. Книги. М., 2002. С. 301, 302); подробно о Рощине, Зурове и др. упоминаемых в дневнике персонажах см. комментарий.

провансальском доме на горе над Грассом, бедно обставленном, с трещинами в шероховатых желтых стенах, но с великолепным видом с узкой площадки, похожей на палубу океанского парохода, откуда видна была вся окрестность на много километров вокруг с цепью Эстереля и морем на горизонте, Бунины прожили многие годы. Мне выпало на долю прожить с ними все эти годы. Все это время я вела дневник, многие страницы которого теперь печатаю». Впрочем, не это сдержанное признание автора дневника положило начало традиции его восприятия – последняя складывалась по мере создания текста и утвердилась задолго до его появления в печати.

Причин тому было несколько. Прежде всего – жизненные обстоятельства, в силу которых Кузнецова оказалась в Грассе, и та роль «ученицы Бунина» и его «последней любви», «грасской Лауры», которую уготовила ей судьба и вне пределов которой ее отказывались воспринимать многие современники. Положение не изменило и то, что ролью бессловесной младшей ученицы великого писателя она довольно скоро начала тяготиться¹, а обстоятельства ее личной жизни претерпели существенные изменения в середине тридцатых годов, хотя она и продолжала – с перерывами – жить в Грассе до весны 1942 г. Отношение к автору сказалось на отношении к творимому тексту: в представлении общественного мнения учитель-Бунин *должен был* стать главным героем дневника ученицы-Кузнецовой, а сам дневник – хроникой грасского периода *его* жизни.

---

¹ Первая запись подобного рода появилась через три месяца после того, как Кузнецова поселилась в Грассе, и была вызвана разговором с Н. Берберовой: «Еще раз я подивилась тому, какая у нее завидная твердость воли и уверенность в себе, которую она при всяком удобном случае высказывает» (с. 32; запись от 25 июля 1927 г.). Внутреннее недовольство своим «ученическим» положением здесь еще не эксплицировано, однако через три года оно получает вполне отчетливое выражение, ср.: «Нельзя всю жизнь чувствовать себя младшим, нельзя быть среди людей, у которых другой опыт, другие потребности в силу возраста. Иначе это создает психологию преждевременного утомления и вместе с тем лишает характера, самостоятельности, всего того, что делает писателя» (с. 147; запись от 25 июня 1930 г.). Кроме того, дневник предоставляет многочисленные свидетельства того, что училась Кузнецова не только у Бунина, см. записи о круге ее чтения, неоднократно встречающиеся в дневнике (русская, французская, английская литература; история; история искусства; особое место занимают исповедальные тексты: дневники, письма, мемуары).

С точки зрения обыденного сознания, подобные ожидания вполне обоснованны, а сложившееся в писательском сообществе мнение, задавшее ракурс читательского восприятия, при известной одномерности, в значительной степени справедливо. Как и подобает добросовестному хронисту, автор дневника скрупулезно, почти ежедневно, фиксирует события жизни в Грассе как на внутреннем, собственно грасском, так и на внешнем по отношению к нему общеэмигрантском уровнях. В записях с равной мерой детализации воссозданы смена времен года, изменения в составе обитателей «Бельведера», специфика непростого грасского быта и реакция на различные события эмигрантской жизни, многочисленные визиты друзей и собратьев по перу, подробности разговоров, обсуждения новых книг, споры о литературной классике и о судьбе русской литературы в изгнании, размышления о роли художника и о претворении бытия в творчество. В результате складывается не только представление о жизни на «Бельведере», но и ощущение самого хода, течения, ткани этой жизни. При этом Бунин – в силу склада и масштаба его личности, положения в эмигрантской писательской иерархии и во внутренней иерархии «Бельведера» – формально находится в центре событий, к нему в той или иной мере сходятся все нити повествования, отталкиваясь от него и/или замыкаясь на нем. И в этом отношении он – центральный *персонаж* дневника, его внешняя ось. Центральный даже по частотности упоминаний: в дневнике почти нет записей, где «И.А.» не упоминается хотя бы единожды. Казалось бы, это позволяет рассматривать «Грасский дневник» как одно из самых развернутых, подробных и достоверных свидетельств о жизни Бунина второй половины 1920-х – начала 1930-х гг.

Однако дневник (любой дневник) есть прежде всего способ разговора автора с самим собой, посредник в диалоге имманентного с трансцендентным¹, способ «рассказать свою жизнь» и «ухватить время за хвост»². В этом смысле любой дневник – книга о становлении личности автора, о поисках собственного пути и своего места в мире. Увиденный в таком ракурсе, «Грасский дневник» предстает перед читателем как книга о вехах писательской и женской судьбы главной *героини* – Кузнецовой, как «внутренняя» хроника

---

¹ Подробнее об этом см. в: *Лигров К.С.* Шепот демона. СПб., 2007. С. 3–49.

² *Сартр Ж.-П.* Тошнота. М., 1994. С. 58.

нелегкого процесса обретения собственного голоса и своего права на счастье, понимаемое по-своему¹.

Как и описание общего грасского бытия, хроника эта весьма подробна, воссоздавая, на первый взгляд, мельчайшие детали жизни Кузнецовой в Грассе: бытовые обязанности, распорядок дня, вызванные внешними событиями разного рода смены настроения, обширный и весьма разнообразный круг чтения, общения, переписки; не в последнюю очередь – многочисленные разговоры с обитателями и гостями виллы и вызванные этими разговорами размышления о собственной жизни – прошлой, настоящей и будущей. Вместе с тем, опубликованная версия дневника изобилует лакунами – и не только хронологического, но и событийного и, что особенно значимо, смыслового порядка. Готовя текст к изданию, Кузнецова произвела жесткий отбор, руководствуясь, как представляется, соображениями двоякого рода: стремясь, во-первых, никого не обидеть, не повредить чьей-нибудь репутации и не разрушить сложившихся стереотипов, главным образом – положительных; во-вторых, оставить тайное

---

¹ Подробнее об этом см. в: Демидова О.Р. «Оставить в мире память о себе» // Кузнецова Г. Пролог. СПб., 2007. С. 3–22; в письме к Бабореко от 30 апреля 1965 г. Кузнецова признается, что «записывала все это, не думая о будущем, просто из потребности записать *свою* жизнь, а также, разумеется, и жизнь тех, с кем жила» (С. 9; курсив мой. – О.Д.). См. также мнение одного из немногочисленных исследователей творчества Кузнецовой о дневнике: «Он интересен не только как своеобразная хроника жизни Бунина в 1928–1933 гг. Его спектр неизмеримо шире и ярче. Это не просто «дневник-воспоминания», это Литература с удивительно точными психологическими характеристиками и зарисовками, тонкими художественно выразительными картинами природы, с законченностью стиля и композиции. Это книга-настроение, книга, погружающая в свою неповторимую ауру, на фоне которой дневники Веры Николаевны Буниной и отдельные дневниковые записи самого Бунина представляются пресными, невыразительными, тусклыми» // Духанина М. «Монастырь муз». К истории творческих и личных взаимоотношений Г.Н. Кузнецовой, И.А. Бунина, Л.Ф. Зурова, В.Н. Муромцевой-Буниной, М.А. Степун // Вестник *Online*. 2002. 12 июня. № 12 (297). С. 4; при известной спорности утверждения о «невыразительности» и «тусклости» дневников Буниных заслуживает внимания самая попытка оценить дневник Кузнецовой как литературное явление, имеющее *самостоятельную*, вне зависимости от связи с именем Бунина, значимость.

тайным¹. И первое, и второе имело самое непосредственное отношение как к Бунину, так и к ней самой, определив ракурс изображения и принцип отбора.

Она писала А.К.Бабореко 30 апреля 1965 г.: «Хотелось <...> передать Ивана Алексеевича живого, такого, каким он был, – очень разного, – он был многогранен – и ни в коем случае не подкрашенного. <...> Иван Алексеевич был человек страстный, порой пристрастный, действовал и говорил (а также и писал) часто в горячую минуту, о чем потом так же страстно жалел и горько раскаивался» (С. 9).

Современники с удивительным единодушием отмечали человеческую и авторскую деликатность Кузнецовой и такт, который она проявила при выборе фрагментов для публикации, ср., напр., отзывы столь разных лично и творчески А. Седых и В. Яновского: «Г.Н. Кузнецова при отборе записей проявила величайший такт» (С. 8); «Галина Кузнецова, писательница деликатнейшая, в своем прелестном “Грасском журнале” <...> ни о ком не отзывается резко или худо»². Действительно, в дневнике почти нет эксплицитно негативных оценок или откровенно критических отзывов об упоминающихся в нем людях. И даже в тех немногих случаях, когда автор позволяет себе критические замечания – например, по адресу эгоцентричности и повышенной любви к комфорту кухни Веры Николаевны М. Брюан, чрезмерного любопытства М. Алданова или политической активности И. Фондаминского, Г. Федотова

---

¹ См. ее письмо к Л. Зурову от 22 апреля 1965 г.: «Я проделала большую работу над «Гр<асским> Дневн<иком>», не желая ничего чрезмерно личного или задевающего кого-нибудь из живущих, печатать. <...> Я вообще буду держаться некой уравнивающей линии. Думаю, что это благороднее во всех смыслах»; ср. с письмом к тому же адресату от 27 января 1961 г., вызванным публикацией воспоминаний Я.Цвибака о Бунине: «Кстати о Цвибаке. Читали ли Вы последнюю книжку “Н<ового> ж<урна>ла”? Там напечатаны его воспоминания о Бунине. Должна сказать, что и я, и Марга тяжело пережили эти воспоминания. <...> Мне ужасно больно было читать многое – ненужные подробности, многие письма – все это не так нужно было подать – ведь это ничуть не рисует И<вана> А<лексеевича> таким, каким он был в действительности – это только воспаленное больное его естество последних лет! Не вовремя все это!» // РО БФРЗ. Ф. 3. Л. Зуров. Оп. 1. Карг. 2. Ед. хр. 50. Л. 74 об., 74а, 62, 63 соответственно (подчеркивание автора).

² *Яновский В.* Поля Елисейские: книга памяти. Нью-Йорк, 1983. С. 154.

и Е. Кузьминой-Караваевой¹ – критика эта предельно мягкая, не нарушающая *положительной в целом* канвы выстраиваемых образов (исключение составляет, пожалуй, лишь Н. Рошин²).

Однако самый положительный из персонажей дневника – несомненно, Бунин, образ которого строится как *исключительно позитивный*, в некоторых записях – подчеркнуто чеканный, своего рода медальный образ «на века». Таков он в одной из первых в дневнике портретных зарисовок («Он был весь в белом, без шляпы, и когда мы шли по площади, резкая линия его профиля

---

¹ «Кажется, основное ее качество – спокойная уверенность в том, что мир вращается вокруг нее. Но есть для меня что-то жуткое в ее неумении прожить сутки без декорации, в просто обставленной комнате, не забавляя себя натаскиванием в нее ковров, безделушек, ваз, цветов. Точно без этого немислимо переночевать в отеле. Я сама люблю все красивое, но в ней это доходит до смешного» (с. 81; запись от 25 сентября 1928 г.); «Всю дорогу туда и обратно он расспрашивал. Это его манера. Разговаривая, он неустанно спрашивает, и чувствуешь, что все это складывается куда-то в огромный склад его памяти, откуда будет вынуто в нужный момент» (с. 148; запись от 27 июня 1930 г.); «И<лья> И<сидорович> со Скобцовой, как честные интеллигенты, уткнулись друг в друга над своими чашками кофе и стали усиленно говорить о каких-то партийных делах» (с. 211; запись от 17 марта 1931 г.); «Вчера приехал к Фондаминским Федотов. <...> Илья Исид<орович> сказал, что они целую неделю будут “заседать” и совещаться днем и вечером о “Новом граде”. Миф, которым живут трое взрослых, почти пожилых людей» (с. 271; запись от 4 апреля 1933 г.).

² См., напр., записи от 18, 25, 20 июля, 15 августа, 4 ноября 1927 г., 12 июня 1928 г.: «Рошин болтается»; «Он меня часто и легко раздражает самомнительностью и наклонностью почти все бранить и осуждать, прибавляя за каждым словом: “черт знает что такое”, “наглость”, “сволочь” и тому подобное»; «Рошин так и глядит, куда бы поехать, и в конце концов удрал на несколько дней в Ниццу, выпросив у В.Н. очередные пятьдесят франков»; «Он и не работает вовсе, да если бы и работал, нет у него главного в литературе – чувства меры»; «В «Возрождении» фельетон Рошина, который я ему недавно печатала. Значит, опять деньги, которые можно беспутно, как говорят у нас, истратить! Его вид “человека из ночлежки” невольно требует какого-то улучшения, а он здесь за все месяцы не купил ни разу ни одного носового платка, предпочитая тратить деньги на мещанские шоколадки, коржики и разнообразные поездки. Хуже всего то, что все, что им пишется о здешних местах, – ложь, самая неправдоподобная, какую только можно представить»; «В.Н. говорила, что она считает Рошина безнадежно бездарным» и мн. др. (с. 30, 31, 33, 36, 86, 110).

очеркивалась другой, световой линией, которая обнимала и голову и волосы, чуть поднявшиеся надо лбом»), в дословно переданном восклицании Мережковского («В профиль совсем римский прокуратор! Вас бы на медаль выбить, на монету...») и, конечно, в подробном отчете о церемонии вручения Нобелевской премии: «В момент выхода на эстраду И.А. был страшно бледен, у него был какой-то трагически-торжественный вид, точно он шел на эшафот или к причастию. Его пепельно-бледное лицо наряду с тремя молодыми <...> прочих лауреатов обращало на себя внимание. <...> Он говорил отлично, твердо, с французскими ударениями, с большим сознанием собственного достоинства и временами с какой-то упорной горечью» (с. 27, 151, 291, 292; записи от 2 июля 1927, 5 июня 1930 и 11 декабря 1933 гг.).

Отношения, которые связывали Кузнецову и Бунина, ее представление о его месте в русской литературе¹ и о собственной роли в сохранении его облика для потомков, косвенным образом, как размышление о книге Л. Шестова, выраженное в записи от 18 июня 1929 г. («У Шестова в одном месте сказано: “Порфирий, биограф и ученик Плотина, озабоченный – как и все биографы и преданные ученики, больше всего тем, чтоб обеспечить своему учителю благоговейное удивление потомства”»), задали «оптику» изображения Бунина в ходе ведения дневника и критерии отбора при его публикации. Опубликованная версия текста вполне позволяет утверждать, что Бунин мыслится автором и представлен читателю как классический Герой, Гений, пусть и не лишенный некоторых – вполне человеческих – слабостей. Следуя избранной установке, Кузнецова в значительной степени отступает от «правды характера» и от собственного намерения избежать «подкрашенности» и представить Бунина во всей его многогранности; в результате образ Бунина в дневнике вызывает ассоциации с Буниным в известном мемуаре И. Одоевцевой², существенно отличаясь как от «Бунина в жизни», так и от

---

¹ См., напр., отзыв Зурова в передаче Кузнецовой: «Для И.А. сейчас нет собеседника в литературе» (с. 242; запись от 28 февраля 1932 г.).

² Ср. авторскую установку Одоевцевой, выраженную в предисловиях к обоим частям воспоминаний: «Я пишу эти воспоминания с тайной надеждой, что вы, мои читатели, полюбите, как живых, тех, о ком я вспоминаю. <...> И тем самым подарите им бессмертие»; «Теперь я обращаюсь к вам с той же просьбой о любви к людям, о которых я пишу в этой книге. <...> О, любите их, любите, удержите их на земле!» // *Одоевцева И.* На берегах Невы; На берегах Сены // *Она же.* Избранное. М., 1998. С. 198, 569, 570.

образа, созданного другими мемуаристами¹ и автообраза бунинских дневников. Бунин «Грасского дневника» – это развернутый вовне своей лучшей стороной парадный портрет, в силу присущих этому жанру законов не допускающий изображения «Бунина в халате».

Впрочем, с течением времени в дневнике появляются все более явные свидетельства того, что Кузнецова, сохраняя неизменный пиетет, позволяет себе не соглашаться с Буниным, выражать сомнение в его правоте, сравнивать его с другими, основываясь на той разнице опыта, о которой идет речь в цитированной выше записи от 25 июня 1930 г. При всей немногочисленности записей подобного рода, они заслуживают внимания как очевидные маркеры смены настроения Кузнецовой и меняющегося восприятия действительности и собственной личности. Так, она пишет об «Окаянных днях», которые дал ей прочесть Бунин: «Как тяжел этот дневник! Как ни будь он прав – тяжело это накопление гнева, ярости, бешенства временами. Кротко сказала что-то по этому поводу – рассердился! Я виновата, конечно. Он это выстрадал, он был в известном возрасте, когда писал это, – я же была во время всего этого девочкой, и мой ужас и ненависть тех дней исчезли, сменились глубокой печалью» (с. 83; запись от 21 октября 1928 г.). Одно из самых показательных свидетельств несовпадения опыта и воплощения его в творчестве – запись о рассказе Бунина «Легкое дыхание», в котором Кузнецову «всегда поражало то место, где Оля Мещерская весело, ни к чему, объявляет начальнице гимназии, что она уже женщина». Кузнецова не может «представить себе любую девочку-гимназистку, включая и себя», которая могла бы сделать подобное признание (с. 106-107; запись от 28 мая 1929 г.). Однако эти и сходные с ними записи не нарушают общей «парадности» конструируемого в дневнике образа Бунина.

Почти столь же «парадно» развернуто к читателю изображение жизни в Грассе – и в этом, пожалуй, заключается основной парадокс текста Кузнецовой. Несмотря на обилие бытовых деталей, вводящих читателя в грасскую жизнь, все, что не соответствует авторской установке на соблюдение общепринятых конвенций, остается «за кадром» (т.е., не предназначается для публикации), и читатель может лишь догадываться о том, как в действительности разворачивались события и о чем шла речь в оставшихся неопубликованными

---

¹ См., напр., «Поля Елисейские» В. Яновского, «Курсив мой» Н. Берберовой, «Бунин в халате» А. Бахраха и мн. др.

фрагментах текста. Монотонность и размеренность, отсутствие взрывов и бурь, неизменное ощущение радости бытия представлены в дневнике как едва ли не основные характеристики жизни на «Бельведере», внутреннее спокойствие которой по-настоящему нарушается только однажды – в связи с заботами о Нобелевской премии. А между тем само появление Кузнецовой в Грассе и предшествовавшие этому события в буквальном смысле слова взорвали жизнь Буниных изнутри и определили судьбу всех участников этой «лирической драмы», как минимум, на полтора десятилетия вперед. «Грасский дневник» не дает представления о той буре чувств, которая была неизменным фоном грасской жизни с конца 1920-х по начало 1940-х гг.¹, и с этой точки зрения весьма показательным сопоставлением его с дневниками Буниных².

Первая запись в «Грасском дневнике» датирована 19 мая 1927 г. и сделана спустя почти три недели после того, как Кузнецова поселилась на вилле³. Запись подчеркнуто «импрессионистическая», с преобладанием пейзажных зарисовок и бытовых подробностей, старательно воссоздающая размеренно-радостную, спокойно-счастливую, почти идиллическую атмосферу, ср.: «Все хожу, смотрю вокруг, обещаю себе насладиться красотой окружающего как можно полнее <...> по утрам срезаю розы <...> наполняю все кувшины в доме цветами <...> кусты гелиотропа растут под окнами виллы Монфлери, лежащей ниже нашей виллы <...> ночи здесь великолепные, засыпаю я под перекликанье соловьев и неумолчный страстный хор лягушек, которых здесь необычайно много» (с. 19, 20).

Создаваемой Кузнецовой идиллии резко противоречит опубликованная версия дневника Веры Николаевны Буниной, где с осени 1926 г. начинают появляться записи, свидетельствующие о неуклонно растущем неблагополучии

¹ Ср., напр., с письмами Кузнецовой к Зурову от 20 мая и 16 августа 1964 г. и 22 апреля 1965 г.: «Вам больше чем кому-либо другому известно, что не все было так идиллично, как в этих первых записях»; «Ведь много было и тяжелого!»; «Вы правы: грустного было много» // ОР БФРЗ. Ф. 3. Л. Зуров. Оп. 1. Карт. 2. Ед. Хр. 50. Л. 70 об., 72 об., 74 об.

² Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / Под ред. Милицы Грин. Франкфурт-на-Майне, 1977–1982; М. Духанина отмечает, что не нашла упоминания о встрече Бунина и Кузнецовой в дневниковых записях Буниных, – однако необходимо учитывать два обстоятельства: во-первых, Бунин уничтожил как дневники за некоторые годы, так и отдельные записи в сохранившихся дневниках; во-вторых, изданный текст дневников есть результат тщательного отбора, произведенного публикатором.

³ Ср.: «Живу здесь почти три недели» (с. 19).

в Грассе¹; наконец, в пространной записи от 31 мая 1927 г. (через две недели после цитированной выше записи Кузнецовой!) автор дневника подводит своеобразный итог прежней жизни и задает эмоциональный вектор будущей: «Перепечатала сейчас всю эту тетрадку и что же – ничего особенного с прошлого августа не изменилось для меня в хорошую сторону. А пережито за этот год, сколько за 10 лет не переживала. По существу, м.б., история очень простая, но по форме невыносимая зачастую. <...>² И как странно, – как только я, молча, начинаю удаляться от Яна, то он сейчас же становится нежен. Но как я становлюсь обычной – так сейчас же начинает жить, совершенно не считаясь со мной. <...> Теперь мне нужно одно: быть с Яном <...> ровной, ничего ему не показывать, не высказывать, а *стараться наслаждаться* тем, что у меня еще осталось – т.е. одиночеством, природой, ощущением истинной красоты, Бога, и, наконец, своей крохотной работой» (С. 167–168; курсив мой. – О.Д.).

По свидетельству М. Грин, Бунин, третий и центральный участник драмы, уничтожил свои дневники за 1925–1927 гг.³, прибегнув к самому

---

¹ «Слабость. Безразличие. <...> Ян опять в бегах, и я опять среди чужих людей»; «Сегодня я совсем одна. Может быть, это лучше – свободнее. Но тоска ужасная. <...> Расплата, что имеешь мужа, который «радует других», а потому он освобожден от обязанности радовать меня»; «Он понимает, что может увлечь, но это не настоящее. «Отдельный кабинет, ужин, момент усталости – она смотрит, увидит морщину и подумает: стар. <...> Ты одна не видишь того, что есть. Да, как отражение в окне вагона и стекло, и сквозь него видишь звезду»; «Я два месяца ничего не записывала. А за эти 2 месяца было пережито так много, что положительно, от полноты сердца, уста немеют. Я – одна. Яна до сих пор нет. <...> Главное, надо помнить, что *самое тяжелое я пережила*»; «Сегодняшнюю ночь я никогда не забуду. <...> Только бы Бог дал мне спокойствие и выдержку. <...> Ян говорил: «Я, который 40 лет имею дело со словом, я не могу выразить то, что хочу, а что же делать мне в таком случае?» <...> Я знаю, что Ян сейчас сильно страдает» (курсив В.Н. Буниной) // Устами Буниных. Т. 2. С. 161, 163, 166; записи от 8 и 9 сентября, 30/31 октября 1926 г.; ночи с 1-го на 2-е января и 15 февраля 1927 г. (далее цитируется по этому изданию с указанием номера тома и страницы в скобках).

² Заключенные в квадратные скобки пропуски текста и дописывания принадлежат публикатору дневников М. Грин и сохранены при цитировании данного издания.

³ Устами Буниных. Т. 2. С. 132; это – не единственный случай уничтожения Буниным своих дневников, см., напр., запись Буниной от 30 июля 1925 г.: «Ян разорвал и сжег все свои дневники-записи. <...> “Я не хочу показываться в одном белье”» (Т. 2. С. 145–146).

радикальному способу умолчания. Кузнецова и Вера Николаевна используют иные стратегии, чтобы скрыть то, о чем не следует говорить открыто. За первые и, возможно, самые непростые для всех троих, полгода пребывания Кузнецовой в Грассе в ее дневнике тридцать пять записей; почти все они весьма развернуты, с подробными описаниями событий, визитов, разговоров, с выразительными портретными и пейзажными зарисовками; почти во всех идет речь о красоте провансальской природы, о прелести каждого прожитого дня, о незаметном течении времени. В опубликованной версии дневника Веры Николаевны за эти же месяцы только семь записей, по большей части точно фиксирующих события и очень сдержанных эмоционально. При этом оба автора повествуют, главным образом, о внешней, видимой не включенному в происходящее наблюдателю стороне жизни, старательно умалчивая об истинном положении дел на «Бельведере»¹. Очевидно, что автоцензура была весьма существенным фактором при создании всех трех текстов, что, среди прочего, свидетельствует об имплицитном намерении рано или поздно передать их публикации. Все три автора ориентировались на принятые в сообществе конвенции, и в этом смысле как дневники Буниных, так и «Грасский дневник» образуют единое «пространство умолчания». Разница лишь в способах последнего.

Впрочем, столь тщательно скрываемое иногда все же прорывается в ткань текста. У Кузнецовой – упоминаниями о том, что не все окружающие относятся к ней с приятностью, о своей эмоциональной – и не только – зависимости от настроения Веры Николаевны или о вдруг возникающем стремлении вырваться «из дому и даже из Грасса, хоть на день-два» (с. 42, 30). У Веры Николаевны – воспоминаниями о прошлом, описанием невеселого празднования двадцатилетней годовщины жизни с Буниным, фразами о неотступной грусти или многозначительными, несмотря на подчеркнутую объективность, упоминаниями о Кузнецовой, как, напр.,

---

¹ Разумеется, нельзя не учитывать публикаторской цензуры, которой подверглись дневники Буниных при подготовке к печати; однако даже признанные пригодными к публикации фрагменты убедительно свидетельствуют о жесточайшей самоцензуре Буниной. Так, в записи от 1/14 мая 1928 г. она признается: «Давно я не писала дневник по-настоящему. Я могу это делать только, когда я сравнительно спокойна. *Внутренний* дневник мне писать трудно, как-то стыдно. Легче и приятнее описывать *внешнюю* жизнь, заносить разные события, встречи» (Т. 2. С. 177; курсив мой. – О.Д.)